

Судьбы

Русский денди в Париже

Ровно 90 лет назад, в мае 1909 года, в Петербурге, в легендарной квартире-«башне» Вячеслава Иванова на Таврической, состоялось не совсем обычное литературное собрание. Николай Гумилев, Михаил Кузмин, Максимилиан Волошин, хозяин квартиры и еще несколько знаменитых поэтов и критиков в тот день решили основать литературно-художественный журнал, построенный на принципах чистой эстетики - без политики, общественной борьбы, мистики и бульварщины. Название новому журналу нашлось мгновенно - «Аполлон», от имени греческого покровителя вечной красоты и гармонии. Перехватив инициативу у московских «Весов», новорожденный петербургский журнал вскоре стал, по выражению слависта В.Казака, «самым важным органом духовной элиты России своего времени». Сегодня, когда переизданы важнейшие сочинения участников «Аполлона» - Гумилева, Чулкова, Анненского, Вяч.Иванова, стоит вспомнить о незаслуженно остающейся в тени фигуре бессменного главного редактора журнала - Сергея Маковского.

Невозможно представить русскую художественную жизнь XIX - XX веков без живописно-архитекторской династии Бенуа, но рассказ об отечественном искусстве будет неполным и без упоминания о семье Маковских. Четыре представителя этой старой дворянской фамилии (ведущей историю из Польши) увековечены в искусствоведческих анналах.

По знаменитости, размаху души и буйству таланта первейший среди Маковских, конечно, - Константин Егорович. Он был одним из тех, кто бросил вызов рутинерам из Академии художеств и основал Артель передвижников. Однако социально-изобличительные темы недолго увлекали молодого живописца, и вскоре его картины наполнились роскошью восточных и древнерусских нарядов, пышной торжественностью «большого света» обеих столиц. Сам император Александр II, посещая выставки, засматривался на романтические женские головки работы К.Маковского. «Богачи нарахват разбирали его громадные полотна и записывались в очередь, чтоб позировать для портретов», - вспоминал современник. И доньше на престижных европейских аукционах полотна этого «русского Веронезе» пользуются немалым успехом.

Несколько менее известно творчество его брата Владимира Егоровича, позднего передвижника. Правда, нынешние посетители Третьяковки надолго останавливаются перед его многофигурным и воистину трагическим полотном «Крах банка»...

Отец Владимира и Константина, Егор Иванович, коллекционировал иконы и русскую живопись, материально поддерживал талантливых (на его вкус) художников и сам неплохо рисовал в «народном» стиле.

Предреволюционное поколение Маковских прославил Сергей Константинович (1877-1962) - критик, издатель, поэт, мемуарист. Своими художественными симпатиями Сергей не пошел ни в деда, ни в отца, ни в дядю. Если Константин Егорович в 1860-е бунтовал против брютловской школы, то в 1890-е его сын бросил вызов тому направлению, к которому принадлежал отец. Молодой Маковский одинаково резко критиковал и «заскорузлость» передвижников, и «расчудочную мертвость» академистов. В своих статьях С.Маковский отстаивал аполитичное, формально изощренное искусство. Его безоговорочные союзники в те годы - вожди русского художественного модерна А.Бенуа, К.Сомов, М.Добужинский. О последнем Маковский позднее напишет мини-монографию, где проанализирует не только знаменитую книжную графику и театральные эскизы этого мастера, но и урбанистические пейзажи 20-х годов, в которых «сквозь эдисоновский хаос цивилизации» проглядывает «сон о прошедших веках».

В годы эмиграции, взглянув на русское искусство с высоты прожитых лет и «с того берега», Маковский откажется от радикально-эстетских взглядов своей молодости. Он придет к убеждению, что социальная живопись XIX века расширила тематику русского искусства, а формальное совершенство академистов дисциплинировало садемы матежких и непокорных. В его интереснейшей книге «Силуэты русских художников», недавно переизданной в России (издательство «Республика»), звучат даже легкие упреки в адрес Бенуа и К°, внесших в отечественную культуру начала века «дух эпикурейского снобизма и ретроспективной мечтательности».

Русское искусство нашло в С.Маковском умного и талантливого пропагандиста. До революции он считался в нашей стране одним из ведущих арт-критиков: К его мнению прислушивались за границей и приглашали организовать выставки современной русской живописи в Брюсселе,

Париже и Лейпциге. В канун первой мировой войны он выпустил собрание искусствоведческих работ в трех томах, а затем, словно вспомнив об увлечении деда, опубликовал исследование «Русская икона». Но все же самым замечательным детищем Маковского в те годы стал журнал «Аполлон», выходящий вплоть до роковой осени 1917-го. Все самые передовые эстетические искания начала века отражались на страницах этого изящно оформленного издания, обложку для которого нарисовал Добужинский. Каждый выходящий номер журнала вызывал споры: утонченная публика была в восторге, в устах футуристов и народников словечко «аполлоны» стало почти бранной кличкой. С 1913 года журнал стал цитаделью акмеизма. Современник писал: «Трагическо-мистическое обоснование символизма оказа-

лось банкротом, и «Аполлон» крикнул: «Долой мистицизм, да здравствует прекрасная ясность!» В поэтическом разделе журнала были впервые опубликованы «Капитаны» Н.Гумилева, «Адмиралтейство» О.Мандельштама, «Александрийский столп» В.Брюсова...

Именно с журналом «Аполлон» и его редактором свя-

зана самая знаменитая литературная мистификация Серебряного века. В 1909-1910 гг. в «Аполлоне» было опубликовано несколько стихотворений некой Черубины де Габриак - таинственной незнакомки, о подлинной личности которой много спорили и сотрудники редакции, и восхищенные читатели. Маковского же просто околдовала мистическая лирика загадочной дамы, он добивался встречи с ней - но напрасно. Каково же было удивление (да и разочарование) редактора, когда выяснилось, что звучный псевдоним и «правила игры» придумал Макс Волошин, а стихи в испано-французском, пряно-каатолическом вкусе написала Елизавета Дмитриева, молодая поэтесса, знакомая многим «аполлоновцам»... Вся эта история могла бы показаться почти анекдотической, если бы не связанная с ней дуэль Волошина и Гумилева. К счастью для русской поэзии, поединок закончился бескровно. Спустя десятилетия Маковский посвятил истории с Черубиной один из очерков в своей мемуарной книге «Портреты современников». Из этих воспоминаний, вдумчивых и строгих по тону, можно многое узнать о художественных ориентирах той эпохи и ее умственной атмосфере.

Сорок с лишним лет эмигрантской жизни Маковский провел во Франции. Ни в каких литературных или политических движениях не участвовал, хотя и состоял одно время в редколлегии влиятельной русской газеты «Возрождение» (она считалась консервативной и чуть ли не монархической). Богомной жизни и, в частности, знаменитых монпарнассских кафе сторонился. В дискуссии о «парижской ноте» сочувствовал Ходасевичу, от идеи особого «эмигрантского языка» приходил в ужас. Молодежь его считала неоклассицистом - за ясный и четкий рисунок поздних стихов, где символом гармонической цельности мира становился русский лес (вспоминаемый в часы прогулок по предместьям Парижа):

...Любуясь вновь лесным
цветеньем,

Куда-то вглубь я проникаю

зреньем,

В незримое, за видимую грань.

Стихи его, по словам критика, были «такие же благоговейные и высококультурные, как и сам автор». Многим, впрочем, Маковский казался замкнутым и высокомерным, а кое-кто посмеивался над его чудаковатой педантичностью. Некоторые из старожилы русского Парижа и сейчас помнят, как в послевоенные годы Маковский в назначенный срок приезжал в редакцию газеты «Русская мысль» и, несмотря на ослабевшее зрение, тщательно корректировал свои статьи. В те же годы он возглавлял им самим созданное издательство «Рифма», где были напечатаны стихотворные сборники Г.Иванова, А.Ладинского, Ю.Терапиано.

Для младшего поколения писателей-эмигрантов Маковский (наряду с Ремизовым) был непререкаемым арбитром вкуса во всем, что касалось русского языка. За ним всегда оставалось решающее слово - как лучше выразиться, как грамотнее построить фразу, как удачнее перевести с французского... Кажется, именно за стилистические «неправильности» он недолюбливал Достоевского. Из поэтов начала века выше всех ценил Анненского, а вот о Блоке однажды написал, что его стихи «горят холодом невыстраданных слез», чем немало смутил читающую публику. Но в целом никаких экстравагантностей - ни литературных, ни поведенческих - Маковский не допускал, сохраняя до последних дней облик петербургского денди - тот самый облик, который запомнился всем посетителям редакции «Аполлона».

Андрей МИРОШКИН.

